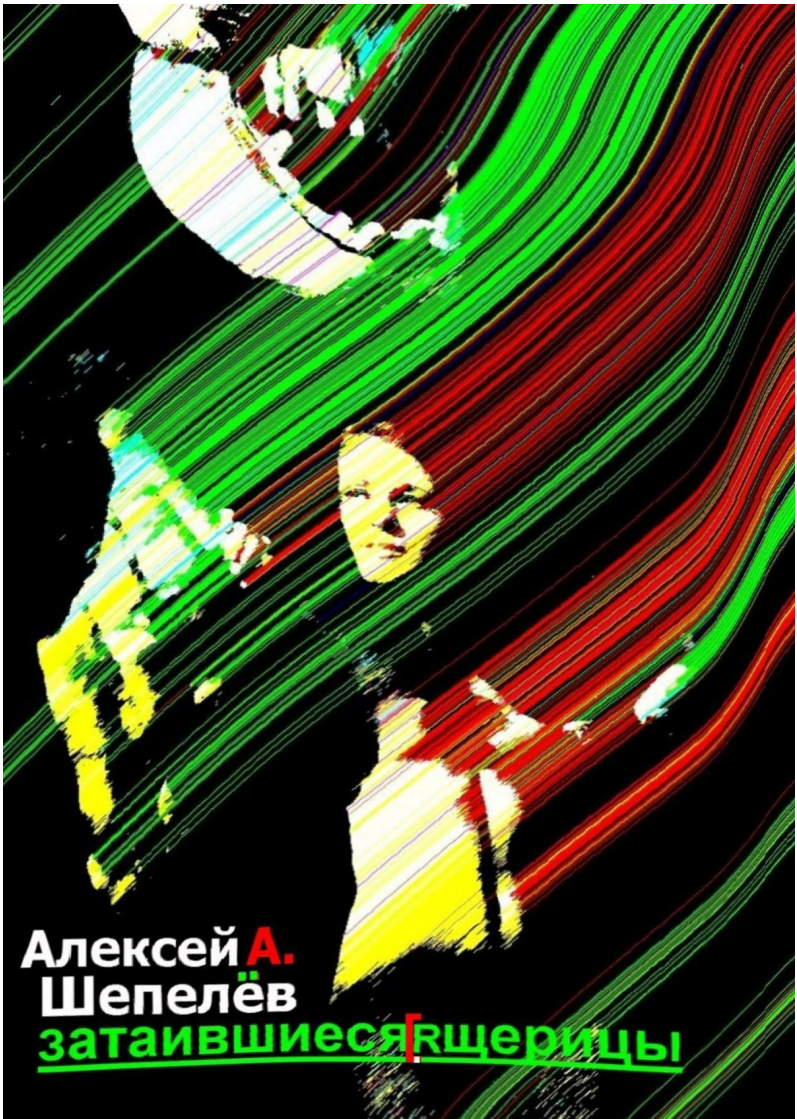
Алексей А.
Шепелёв
затаившиеся ящерицы

Алексей А. Шепелёв
Затаившиеся ящерицы. Новеллы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12197523
ISBN 9785447429416

Аннотация

«Затаившиеся ящерицы» – сборник рассказов, в которых автор исследует тему страха и его преодоления. «Фантастический реализм» представленных в книге коротких текстов заставляет вспомнить творения великих предшественников: Эдгара По, Достоевского, Булгакова, Белого, при этом писательский стиль Шепелёва совершенно самобытен. «В этих рассказах… есть драйв, нерв» (Анатолий Курчаткин). «Блестящий стилист» (Платон Беседин). «…Шепелёв стал самым европейским писателем России» (Захар Прилепин). Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Мост сквозь зеркало 5
Дедушка dead1 и абряуты 21
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Затаившиеся ящерицы
Новеллы

Алексей А. Шепелёв

© Алексей А. Шепелёв, 2020

ISBN 978-5-4474-2941-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мост сквозь зеркало

Эту собаку знает, наверное, едва ли не каждый житель городка: её трудно не заметить – в самом центре, на мосту через речушку Кож*у*рновку, бегает вдоль трассы за машинами и лает. И здесь она каждый день в любую погоду, кто-то даже её подкармливает. Я, однако, хоть и ходил каждый день мимо, долго не мог понять незавидной её собачьей участи, да и что мне до собаки какой-то уличной!.. Аня же мне сразу разъяснила: и что псина породистая, и что кидается она, вылетая на полотно, не ко всем машинам, а только на легковушки определённого типа и цвета – тёмно-синие и «такие грязно-баклажановые»… И что сбивали её уже, но всё хромает – хозяина ищет – говорят, уже лет семь.

Подмосковные Бронницы – городок по-своему тихий и уютный, по стремлению властей спортивный. Для пеших и велосипедных кружений – опоясанное асфальтовой дорожкой Б*е*льское озеро, вполне живописное, особенно летом – в цветах и травище, да и зимой тут не так уж уныло: коты, например, скачут – в сугробах и кустах, а то пробираются по льду – к полыньям, что ли, за рыбкой… Я столько тут нар*е*зал кругов на ногах и колёсах – видимо, не совсем физкультурно-спортивно, как местный молодняк, – что знаю здесь каждый куст и каждого кота… Да всё одно и то же, не по-спортивному сонно даже, с остатками местечкового

гопарства, зато без столпотворенья, как в *далёкой* и неправдоподобной отсюда столице – тут, например, не надо даже особо приобочиваться на узкой плохо заасфальтированной дорожке, давая проход мирно гуляющему, ничем не выделяющемуся мэру… И лишь весной однажды всё побережье вкруг было завалено здоровенными, в если не в рост человека, то точно с второклассника или хорошую овчарку, каким-то образом повыпрыгнувшими из подо льда рыбинами… Быстро стали разлагаться на припёке, котам тоже не взять – в общем, недобрая аномалия…

Но это чуть в низине, за домами, а главная улица – как в Тамбове, да, наверно, и многих городах, Советская – прямая магистраль, совпадающая с злосчастной федеральной трассой, ближайшие точки коей – Москва и Рязань. Круглые сутки я вижу из окна поток машин, стёкла трещат от гула, башка трещит даже без похмелья, а сквозь стекло – и кажется, что из зеркала рядом тоже – даже свист какой-то… Зеркало стоит косо в ящике от трельяжа, размером в пол окна, в нём тоже всё гудит, дрожит и мчится – быть может, чуть быстрей, чем на самом деле… С пятницы по воскресенье здесь возникает гигантский затор, летом от гари без преувеличенья мутнеет в глазах, да и смотреть на эту рябь блестящих, супермощных, циклопических, но покамест не летательных, аппаратов, шкурой уже чувствуя, как сидящие в них гуманоиды-Голиафы поминутно давят рывком то одну педаль, то другую, всем существом устремившись куда-то

вперёд, в заветные дали, в коттеджи-дачи, к клочку огороженной, не изъеденной дымом природы, где жарятся только купаты на решётке барбекю… А тут катишь на велике – и километр за километром всё эта плавящаяся на солнцепёке, гудящая, бампер к бамперу и бок к боку пробка… Она как-никак движется, а выплеснутые отрицательные эмоции, иной раз кажется, остаются – оседают, как грязь и гарь на подтаявший снег… Как та собака, которую вышвырнули из авто посреди города.

Подтаявший снег – это уже из того дня, на него я словно из любой точки пространства тамошнего и времени сбиваюсь… Центр Бронниц – высоченная колокольня красного кирпича, что называется, доминанта – растущая из земли чуть-чуть набок, как будто современная вокруг асфальтовая накатка грешит против исконного ландшафта. Как проезжает мимо автобус с туристами – всех высаживают у подножья поразмяться, поглазеть – рядом ещё 18-го века храм Архангела Михаила. Вытянутый ввысь собор увенчан пятью большущими куполами – некрашеными, свинцовыми, словно тучи, но для нас с Аней не давяще-тяжёлыми, а больше напоминающими взлёт дирижабля… К собору примыкает вытянутая уже в горизонтали церковь, более поздней постройки, с колоннами. В оградке у собора похоронены Пущин и Фонвизин; кажется, в первый Анин приезд мы, выйдя бродить ночью, что называется, распивали тут из горл*а* шампанское!.. Потом узнал: церковь в честь иконы Иеруса-

лимской Божьей Матери, спасшей город от мора, а Фонвизин – не тот, а его племянник декабрист и сочинитель-утопист, после смерти которого жена его вышла замуж как раз за Пущина.

Вообще я, как водится, достопримечательности изучал именно таким способом, а по ночам – и в два, и в три – по старой привычке шастал по ларькам за подкреплением по слабо освещённым магистралям и тёмным закоулкам, практически никого не зная, никого не боясь. Иногда я, правда, попадал в некую пространственно-временную лакуну, для меня самого неочевидную: когда меня уже дома ждала Аня, она ждала часа по два, мне же казалось, что я вполне укладываюсь в заявленное «десять минут до магазина, десять обратно», а когда звонила, я отвечал не сразу или отвечал нечто «невообразимо странное»…

В привычных координатах всё прямолинейно. Посмотришь: напрасно растёкшиеся по брусчатке и дальше по асфальтово-квадратной пустоши этой присоборной мини-площади туристы ищут туалетов – их тут нет. Тут есть только неуклюжий параллелепипед с пыльно-стеклянными, как в советских универмагах, витринами – какой-то полузаброшенный дом культуры или творчества, за одним углом коего всё же справляют нужду, а из второго его угла вытарчивает мигающая пальмами вывеска некоего заведения, по нашим догадкам и отзывам местных, действительно злачного… Чуть пройти вперёд – тоже кардинальнейшая, что на-

зывается формирующая контекст вывеска: «Бронницкий поссож» – вроде бы торгово-бытовой центр, на деле – никем не посещаемая одноэтажка (работая в газете, я заметил опечатку, на что дизайнер закоренело отмахнулся: «Да хоть *поссож* напиши – всё равно не заблудишься!»); и тут же, у начала центра, светофорный переход через ту самую главдорогу, чтоб попасть уже на собственно главную площадь у автовокзала, где в тот день мне вечером надо было встретить Аню…

Я дал круга три моциона по озеру (тогда ещё не бегом, но ночные походы по ларькам уже совсем оставил), при отсутствии освещения тут уж стемнело до полного неприличия – настолько, что иногда в движущаяся навстречу паре человек-собака мерещится если не Мальдорор «со своим псом» (как мне), или мефистофелевский пудель – «с хозяином и гигантский» (как Ане), то уж вообще такое, от чего Анютинка, только схватившись за мою руку, физически бьёт меня страхом, как током. (И знаем мы, что помним: что с мешком ужасным за плечами и с головой в руках, что сам в том пуделином облике явился. И забываем, и не знаем!..) Мгновенная передача информации – мгновеннее, наверно, и полнее не бывает! А то в лесу здешнем, вроде и небольшом совсем, когда мы заблудились и что-то мелькнуло в бесконечных зарослях, таким же электрошоком меня хватила, только оголодавшего уже, отчаявшегося и измотанного куда сильнее… Но здесь-то мне плевать, хотя вот один случай по-

том и меня окоротил…

Но покамест я знаемыми и впотьмах тропами выбрался по набережной к собору. Посмотрел на телефон – девять, как раз ко времени, даже каких-то пять минут лишних… Тут уже фонари светят вдоль трассы, хотя и коричневато-желтоватым еле коптят, да с Нового года висят гирлянды из простых, как встарь, крашеных лампочек, тоже вполнакала и через одну уже потухшие…

Прошёл наискосок, но очень быстро – чтоб шеей особо не вертеть на постройки, высота, мощь и значение которых, мне показалось, и без того чувствуются. Выскочив на пустошный асфальтовый квадрат у ДК, я всё же решил оглянуться – бросить взгляд на классический, всюду тиражируемый вид города. Захотелось даже вернуться – рассмотреть, коль есть минутка, поближе, но тут же поймал себя на мысли, что, вероятно, здесь как-то *не принято*, как и везде в провинции, расхаживать неспешно и таращиться, задирая голову и фотоаппарат, на всем привычные домины. Я остановился в нерешительности, ещё и ещё раз оглядываясь…

– Эй, ты! – тут же моим опасливым мыслям пришло воплощение, – ты с ДСУ?

Может быть, они спросили про МТУ, или ещё что-то подобное, я не расслышал и не понял, а только, наверное, вздрогнул и посмотрел на них.

– Гля, с рыжей бородой, точно он, падла, – переговаривались они, оторвавшись от угла заведения, на ходу застёгивая

куртки или ширинки, приближаясь ко мне едва ли не бегом.

– Тебя Лёха зовут? С ЛСУ?! Постой, стоять, стоп-машина!

Магический оклик по имени, боюсь, всё же заставил меня затормозить, я и впрямь замешкался, посматривая, стараясь не кивнуть.

Двое – не подростки, и не мужичьё местное, два тридцатилетних бритых лба в кожаных куртках – выходцы из 90-х. Сразу дать дёру – но несолидно да и куда здесь…

Главное, мелькали автоматические уже мысли, не зависнуть – хоть как-то продвигаться вперёд, надо что-то ответить… Но что ответишь, когда вопрос… И когда уже тебя схватили под руки и куда-то тянут.

Страх парализует – не думал об этом… И вообще всё же не вмещается в просвещённое наше сознание, чтоб людей на улице хватали, в самом что ни на есть освещённом центре, а если и вопиют факты, так это «не у нас».

Случай, сейчас перебью и расскажу, был как раз *с собачками*. С первого взгляда смешно даже… Я облюбовал для променадов вокруг озера тьму и ненастье – чтоб поменьше двуногих… Вот и нарвался.

По одному берегу водоёма тянутся домики-дачи – хоть и маленькие, но обзавидуешься: балкончики, мостки, спускающаяся из оградок к воде, дичая и разрастаясь, облепиха. В другой стороне – теремок какой-то в загородке, с продажей алкоголя – *дикий привал и пустынный*: просто утоп-

танное место меж полуобвалившихся вётел, за столы и стулья – неровно напиленные, порядком подсгнившие пеньки, музыка орёт каждый день, а посетителей ноль, такое ощущение, что заседают в сем тереме токмо сами торгующие… Как только приехал, по своему неофитству я посидел пару раз на некомфортных пеньках, а потом даже дорвался ночью – и сплясал на них, и пораскидал все… Да и вдвоём с Анютинкой в какую только полночь где мы только на лавочках с бутылочкой не заседали!..

Но оказался я уже в самое свинцово-нависшее морозное неурочье на другом берегу, дальнем от города… – где летом зеленеют лужайки, ровные, как для гольфа (на самом деле футбольные), и мы после дождя высматриваем тут белеющие шариками воображаемой игры шампиньоны… А вечером зимой – пустырь в сугробах, наледь, пронизывающий ветер!..

В темноте я не сразу заметил их – ускоряя ход, буквально наткнулся: они сидели прямо на тропинке, по обеим сторонам, как два стража. Две здоровых тёмных собаки – как два древних сфинкса или льва свирепых окаменелых. Рядом, в оледеневших рытвинах, залегала вся стая…

Я знал про эту стаю бродячих собак, и видел их не раз: то в стужу они у Вечного огня греются, то у рынка за автовокзалом трутся, а часто и здесь по берегам скитаются. Ну, скитаются – и тьфу на них, хотя ведь тоже кто-то повыкидовал: гадская эта мода на больших собак, а потом кормить и уха-

живать неохота. И набралось их с десяток здоровенных разномастных псин, от голода и стужи совсем освирепевших. Как раз в те дни, неделей, может, раньше, мы краем уха слышали о случаях, что на детей они напали, и настолько дико, что ватаге школьников было не отбиться, кого-то даже загрызли насмерть. Аня работала на местном ТВ и сообщила мне, что брошен клич, после чего мужики с ружьями их день-другой гоняли, но убили лишь пару, а остальные семь-восемь так и скрылись, на том всё и улеглось.

Дать по тормозам и драпануть сразу – вот что надо было сделать. Сначала обычным шагом, а дальше что есть мочи. Но я, признаться, сначала так и принял в воображении их за нечто призрачно-непонятное, за смутных сфинксов, за двух сгорбатившихся прямо на белеющей дороге чёрных химер! – и, думая развеять наваждение, подскочил к ним слишком близко. По тормозам-то я дал, но тут же вспомнил, что не дитя я, а мужик, что коли боишься – они это почувствуют и почуют. И – была ни была – рванул вперёд сё тем же быстрым шагом, авось проскочим!

Но где там – эти два загонщика и стража (а может, вожака) так сразу на меня и бросились. Размер недетский, зубищи, злость в глазах звериная. Я правда, как-то отскочил всё ж вбок – хоть из тисков их вырвался.

Они примериваются, морщат морды, клыки ещё те… И из засады повыскакивали все остальные – тоже разъярённые, с горящими глазищами и оскалами!..

Ну, думаю, попался. Какую-нибудь хоть палку или камень. Но где там – кругом лишь наледь голая, мороз и тьма (я без рукавиц или перчаток по своему обычаю), лишь ветер свищет…

В эти мгновенья, мне кажется, у меня промелькнули вспышкой-молнией в сознании, как бы на миг осветив подсознание, давнишние, но не осознанные мысли о том, чего я боюсь больше всего, о так называемой природе страха.

Больше всего, я понял, мы боимся… я боюсь… чего-то, кого-то – *антропоморфного* – то есть именно *кого-то, личность*. Как в фильме Линча «Шоссе в никуда» самый страшный момент – секундная смена кадра, неуловимое размазанное движенье, когда *этот кто-то*, прячущийся в мусорных баках, просто перебегает куда-то. Снежный человек, демон, пришелец-гуманоид, призрак, маньяк-убийца, карлик, полузверь – но тоже осознающий, по сути, твой двойник, мельком отражение в зеркале, кем, задержавшись, вглядевшись и оскалившись, и ты можешь стать. Выражаясь выспренно и книжно, он *разум* попрал и употребил во зло. А химеры, сфинксы – уже чуть проще, искры Божьей искорёженной в них нет, львы, собаки – зверьё…

Понятно, что если эти сейчас начнут рвать, то и остальные кинутся. Волки, если в клетке, куда тщедушнее и жалкие такие… В детстве меня покусала собака, и неплохо. Виноват был сам – хотел в перетяжку каната сыграть: тыкал прутом, травил, чтоб за зубы вытянуть её из будки. С тех пор чура-

юсь их, всегда мне неприятно – чего Анютинка, слегка подтрунивая, не понимает: она их подзывает, треплет, разговаривает с ними, угощает, отсылает прочь…

Но есть же хоть на волос превосходство человека?!. Я стал кричать «Пошёл!» и из кармана хоть телефончик вытащил – он маленький – им замахиваясь.

Адреналин и мне ударил в голову. Минут через пять, выкрикивая, как мог, брутальней, замахиваясь, будто бы в руках дубина, поворачиваясь к ним лицом, глядя в глаза с такой же дичью, но пятясь, я кое-как «отбился», чуть отдалившись. Спокойно, но уж на ватных, дрожащих ногах отошёл, с поднятой, как факел рукой… – всего, наверное, метров пять, перевёл дух и – запустил бегом.

Потом, за неимением лучшего, я стал ходить на прогулку-пробежку с молоточком за подкладкой куртки. Он небольшой – но всё же…

Но в тот *обычный по всем приметам* день я молоток не взял. Да хоть бы взял – и что? Меня хватают, тащат. Кричать? – вы издеваетесь? – смешно. Вот самый центр – вокруг же ни души. Да и случись прохожий иль прохожие – три взрослых мужика закочевряжились – кто вступится, да хоть бы остановится?! – естественно, лишь ускорят шаг!

Я чуть рванулся и зацепился рукой за дорожный знак – по-идиотски выглядит!

– Пойдём-ка с нами! – ухмыляются они, – давай его, тащи!

И рванули.

В голове – мгновенная лихорадочная калькуляция: как рвануться, как кого ударить, куда рвануть. Но понятно тут же: всё бесполезно. Уже заламывают руку…

Мне в доли секунды как никогда ясно представилось, что сейчас будет и куда тащат. Вон в тот закоулок за *поссожем* – там только спиной об стенку с розовой побелкой и следующий жест невзрачный – ножом в утробу, после чего, обмяк-нув, приседаю и валюсь, держась за живот, нелепо улыбаясь… «Что же Аня, а Аня как же?» – думаю, рассматривая уже подтаявший грязный снег совсем в близи и похолодевшую (или горячую) ладонь в чём-то сером жидко-липком. «Как же мне домой – ползти? звонить?» – всё вспыхивают, быстро, правда, угасая, нервно-весёлые, зряшные мысли: уж не ползти я не могу и не хочу, и даже не звонить.

В животе ощущаю… Непонятную, непривычную, сладковато-саднящую разрастающуюся лёгкостью брешь. И вижу их: обчикнув лезвие об глыбу снега, сплюнув, закурив, отчалили. Чуть поспешая, как ни в чём не бывало, удаляются. За поворотом один пристал к забору, возясь с ширинкой, второй ругается. В итоге помочились оба и тут же сразу в джип тот чёрный у порога заведенья – их, а чей же. Простецки всё, смешно и жутко.

Вся жизнь… вся кутерьма, вся боль, стремления, старания… А*н*биции… лю-бовь…

Один тоже любил – Еву Браун, овчарку Блонди, рисовать!..

…Снег этот неизъяснимо и по-весеннему просто пахнет жизнью – талой водой, грязью, собачьим дерьмом, бензином, штукатуркой, корой деревьев, землёй, сосульками, льдом и снегом.

…Будет ли это, как сейчас, подтаявший, в сосульках, вечер; будет ли трескучая и бело-вьюжная, до бездорожья, пора – как и когда я появился на этот свет… жаркое ли, давящее удушье стоящего пространства-воздуха, так что от гроба, будто бы висящего на двух точках, вытянутого на привычных в другом качестве табуретках, придётся распахивать все окна и форточки, и всё равно мало… Будет ли жирная пора скользящей грязи и реденькой, гвоздиками в расчёске, зелёненькой травки; будет ли невообразимое взрывное буйство яблонь, одуванчиков, соловьёв, лягушек и черёмухи; или спрессованные, промокшие листья под ногами… – всё равно. Всё равно: единственное, что мы можем стопроцентно предсказать, это то, что мы умрём.

Даже в зелёных вспышках на багряно-красном зареве неба – как фейерверк или ракетница, или салют, только в тысячу крат больше и ярче, даже в красных вспышках-цветах на нестерпимо зелёном небосводе – когда Звезда Полынь стоит в зените, кислотно-горьким насыщая наш дух и воздух, и рушатся-свистят вокруг кометы… Даже здесь мерещится всё та же гибель безвозвратная, всё одно же.

…И я не встречусь больше со своей Анютинкой – никогда. Даже за порогом конечно-здешнего, убитый грехом уже

здесь, протравленный, как семена, и давший плод причудливо-обманчивый – блестящий кожицей, но сладковато-прелый и червивый, я вряд ли увижу её там… Может, только чудом *её* молитвы и любви, может, чудом надежды – всё равно пока чудом не выгрызенной и до конца не изгнившей – надежды на что? – на то самое чудо нездешнее – на сопутствующую нам изначальней, чем грех, любовь и милость…

О, если бы можно было всё вернуть, что-то исправить… Анютинка моя, никогда не называемая полным именем, незнаемая АН-НА! Маленькая, хрупкая, но имя какое мощное – как и голос… она бы на них крикнула!..

Вот он – *Мост сквозь зеркало* – рассказ с таким названием я всё хотел написать, присматриваясь к большому мосту на выезде из Бронниц и даже по нему выхаживая… Да сколько тут мостов… Зеркало, мост – те самые, таинственные, но со значеньем символы, только не даётся мне обычный мистицизм, теперь подавно литературщина всё это…

Но вот на миг я заглянул *туда*.

– …Точно он? Уж сколько…

– Я не с ДСУ! – услышал я их голоса, услышал свой голос, почувствовал боль и страх, с которым, я понял, уже совладал.

– Я журналист! – выкрикнул я в порыве ветра, но несильном, тёпловато-сыром, пахнущим тем, чем пахло *в той* подворотне.

И дальше твёрже, внутренне уже чуть спокойней, но всё

равно с агрессией – как на тех собак: что на ТВ работаю, здесь живу, никакого ДСУ или МТУ я не знаю, и не из Дзержинска я, а если что – меня весь город знает – вас найдут!

Про ТВ, наврал, конечно. Уже настолько стал добропорядочен, даже вежлив, что твой урождённый интеллигент-воспитанник хорошесемейный – самому стыдно. «На дядю фраера собака лаяла!..».

Они чуть ослабили хватку, усомнившись-совещаясь, и я вырвался и отскочил.

Бежать я, однако, не пустился.

Придав некую напускную человечность равнодушно-недобрым бандитским лицам, они откланялись:

– Ты, брат, извини – обознались. Нормально. Если не ты, то ладно…

Я тоже едва не снял, как Д'Артаньян, шляпу. Как только загорелся зелёный, я обычным быстрым шагом погнал к автовокзалу.

Как раз приехала Аня. С ней молча дошёл до дома, стараясь быстрей. На вопросы огрызался и обрывал. Меня чуть отпустило, но *ощущение* в животе всё ещё ныло, зубы сжимались, потрясывало – хотя уже не физически, а как-то внутренне, метафизически. Она, конечно, сразу заметила, а дома и подавно. «Ты бледный весь!». Я рассказал, но тоже отчуждённо, как будто стараясь, чтоб меня не коснулась её жалость.

«Всё понимаешь, – подумалось мне (а ещё сам собой

родился странноватый, какой-то скоморошный образ), – и ослепительно ясно, как прозревший… Но одно с другим не складывается – как лёд и масляный блин горячий».

Всё забывается, и стараешься забыть. Всё стало, как и прежде. В нашем мире заедённого, заедающего механизма *любовь* – лишь краткий миг, когда блеснёт *оттуда*?.. На берегу озера, примерно где я встречался с собаками, выстроили огромный стеклянный спорткомплекс; купола на соборе заменили на более привычные (золотой и аккуратные синие); на колокольню водрузили часы, по-старому отсчитывающие новое время. Вскоре мы поженились и переехали на другую квартиру на окраине – «возле Моста». А под самим тем мостом мы как раз и праздновали свою импровизированную свадьбу.

Это для меня – только проснулся, бросил взгляд на зеркало – ненавистный поток машин, гудовень и копоть, случайные слепящие блики в окне и зеркале, и этому нет конца. А для неё другое: вот, показывает, сдвинув шторку, кот на остановке сидит. «От дождя, наверно, спасается. Смешно так: как будто он сейчас сядет в автобус и поедет!». И действительно – как только дождь, кот тут как тут.

И у нас здесь уже свой кот, тоже на улице найденный, на окошко вспрыгнул.

июнь 2015

Дедушка dead[1] и абряуты

Мультфильм про дядюшку Ау мы все смотрели, поэтому и сразу взяли на вооруженье сей образ, а отчасти и само это прозвище…

– Ну что ж вы, эх, – заводил свою привычную пластинку Дядюшка дед, наш квартирохозяин, входя в коридорчик с тазом с помоями, спотыкаясь и чертыхаясь; а тут уж, у стола, он изрекает: – *Не с того вы жизнь начинаете!*

– А мы вот, дядь Володь, вот… так сказать, день рожденье у нас… тут… – О. Фертов уж был пьян и по сути мало чем отличался своим цветом и формой от искрошенной кильки, лежавшей у него на брюках.

Или: сидим пьём, все в дуплет, и заявляется Дядюшка дед – баклажка с самогоном оперативно убирается под стол, все сразу хватают с холодильника и со шкафа журналы «Нева» и делают вид, что читают… Стыдоба.

Конечно день родж… рождения – уже раз восьмой за полтора месяца, что мы тут живём! Нас обычно четверо, так что на каждого по два уже справили…

А вот и эффект бумеранга – я один сидел как насос, читал по журналу «Защиту Лужина» (одно из двух единственных гениальных набоковских произведений), заваливается

[1] Мёртвый (англ.).

дед и давай: ты ж в лоскуты сидишь, вид мне тут воссоздаёшь!

Бывало спросишь у Дядюшки-дедушки что-нибудь конкретное, например, где взять тряпку для пола, а он ответствует бесплатным философско-историческим экскурсом:

– Мы всё зделаем, погодите, ребяты… некогда, а так – *жизнь, её не обманешь!* Я уж пробовал – не получилось. Вовка мой тоже вот женился, а потом вон и пшик… Не тем вы, эх, занимаетесь, не с того жизнь свою начинаете… Я полгорода вон построил, а жизнь, её не износишь, как ту ру…

А то и вообще заносится в самые несусветные дебри, всё на нас, квартирантов, списывая:

– Вы тут, мозгляки, валяетесь… А бочку-то из двора! алюменивую! по-русски сказать – … – Вещает он о пропаже двухсотлитровой бочки неподъёмной, врытой в землю, ругая нас абря**у**тами (видимо, искажённое народным обиходом «обэриуты» – весьма по адресу, дидко!). Гвалт стоит на все дворы окрестные, а он, выйдя за ворота и приманивая за собой нас, голосит уже на всю нашу прямую улочку: – Я вам, б…, всё – и то, и то, и сё, а вы… Чтоб у меня порядок был!

При словах «Чтоб у меня порядок был!» или там «Чтоб у меня умывальник был!» (но таз и ныне там, а тряпка позабыта) он жёстко бьёт ребром ладони по другой. Мы всегда ему удивлялись, а напрасно. Как-то раз мы прозрели, что «уважаемая в годах Дядь Володя Макушка» («тонзура» сия-

ет хуже экспоната начищенного, только череп весь красный) всегда при таких пассажах (то есть *всегда, олвэйз!*) и сама была, мягко говоря, в подпитии. Ну, благо и мы зачастую…

Впрочем, деда мы всегда побаивались. Не только он Ау дядюшка, но Сэм, как вы догадались. Каждый его приход был маленькой катастрофой. А иногда и довольно большой…

Приехав вечером, зайдя, долив урины для таза, открыв дверь, я обомлел: стоял гроб.

Плотно закрытые двери комнаты со скрипом отверзились и показался О. Фертов. Он был как бы обдолбан и говорил почти шёпотом.

– Вот, Лёнь, Дядюшка дед-то чё нам подсунул! – сетует О. Фертов. – Сижу вчера вечером, заявляется деда пьянищий, с какими-то мужиками, орёт «Заноси!», вносят гроб с бабушкой, говорит: у вас дня два пусть постоит (это его сестра что ли), а потом ещё выносить поможете. Поставили на табуретки и смотались. А я остался…

Загипнотизированный присутствием гроба, я застыл на месте и мало понимал, что он говорит.

– Иди, сюда заходи, у меня тут еда… Вот… Я, конечно, человек, ты знаешь, не особо суеверный – подошёл, осмотрел всю бабку – она не страшная и маленькая совсем… Бабушка хорошая… никакого злого умысла в ней нет… никакой жизни… как из воска… как икона какая-то рельефная…

лицо, а сама сухая, как из соломы… Я наварил еды, перенёс всё в эту комнату, поел, потом окифирел[2], почитал от Спиркина и лёг спать…

– Ну! – вдруг словно проснулся я.

Он внимательно посмотрел на меня: я стоял в каком-то ступоре в центре *другой* комнаты около импровизированного стола и не решался притронуться к пище – рису с тушёнкой, который аппетитно дымился, остывая.

– Что «ну»? Да ты поешь, Лёнь, не бойся, а то остынет… Я, значит, лёг спать, сам лежу, всё нормально, но ловлю себя на мысли, что думаю всё об одном. Блин! – вскакиваю и туда, включаю свет и смотрю в лицо бабке. Серое какое-то, как каменное, ничем не пахнет, никто не шевелится… Смотрю на часы – без одной двенадцать. Думаю: подожду *эту* минуту. Раз – стрелки вровень – раз – ничего. Скрутил самокрутку, сижу, курю. Только всё как бы кружится – вокруг неё и меня – думаю: откуда такое визуальное ощущение? – и вспомнил наконец: фильм «Вий»! Ну, русский, 68-го, кажется, года… Насмотришься всякой гадости, а потом тебе всё и представляется, тьпфу!

– Почему, – возразил я, приступая к еде (а где моя вилка? ненавижу есть чужой или когда он мою хватает!), – фильм хороший… Погоди, схожу за вилкой…

Я быстро прошёл туда, бросив взгляд на бабушку, поискал в коридоре вилку, но не нашёл, так же быстро обратно, вновь

[2] Пил крепкий чай, «чифирь».

как бы сфотографировав взглядом.

– Где вилка моя? – в голосе моём уже чувствовались нотки «аристократического» раздражения.

– Да вон моей ешь, какая разница, – отмахнулся О. Фертов.

– Мне нужна моя. Где она?

– Я откуда знаю? Может в столе, в ящике – ты ж туда её стал прятать, забыл?

Стол стоял почти вплотную с гробом – дай бог, чтобы можно было выдвинуть ящичек. Я не стал колебаться пред лицом ОФ и решительно последовал по направлению к мёртвой бабушке.

Да, всё было, как он сказал. Совсем маленькая бабушка в чёрной одежде; казалось, она совсем высохла, не весит ничего, совсем бесплотная, бестелесная, истлевшая, сохранившая только оболочку, но тоже какую-то духовную – невозможно было и подумать о жизненных соках, наполнявших это когда-то молодое тело, буквальных – сексуальных и рабочих соках, например, женском поте, должных частично сохраниться и теперь, но мёртвых, таящихся внутри и ведущих там свою неведомую работу. Морщинистое отдающее серым лицо, спокойное, кроткое и чуть величественное в неподвижности смерти. Такие же а-ля скульптурные руки, жилистые и морщинистые. Сколько всего они делали трудно и вообразить – они работали – им не делали маникюры и инъекции герыча, их пальцы не расслюнявливали презер-

вативы, не размазывали кремы, гели, пенки и скрабы, не наносили на сетчатый тыльник ладони губнушку – *для пробы*, или маркером одиннацатизначный номер – *для памяти*, не щёлкали пультами и не стачивали клавиши клавиатюр, не кидали как в топку чипсы, не мяли под стульями жвачку, не показывали *факи*… Думаю не ошибусь, что рождала она семь раз (и ещё два-три аборта), что всех оставшихся в живых она кормила грудью, что эти руки не вылезали из мыльной воды (хоз. мыло, а не крем-бар), очень горячей или очень холодной, дубились и твердели, закалялись, потом мозолились: жали серпом, долбили цепом, молотом, лопатой, ломом, точили напильником, резали резцом, ножом, ножницами, наконец… Боже, всего пятьдесят лет, а какая пропасть! Это суть два разных вида человека – особенно женщины меня интересуют…

Вроде бы всё ничего, всё ясно, ничего не страшно, а всё равно как-то не по себе, как-то страшно…

Я вернулся с вилкой (хотя она и была чистая, я предварительно помыл её в коридоре над тазом).

– Мы, Саша, в школе инсценировали этот фильм, причём уже классе в седьмом – такое сильное впечатление он произвёл на неокрепшее воображенье юных советских сельских пионеров! Никто не заставлял! На большой перемене – спонтанно! Этим нельзя было не заняться! Потрясение, катарсис, цепная реакция вдохновения, экспансия искусства в действии! Занят был весь наш класс – все семь человек, да-

же Колюха! Вот тебе и «Общество Зрелища»! Впрочем, инициатором даже не я был. Но я исполнял главную роль – Хомы, а не Вия, дятел! – и вскоре сам собою сделался режиссёром и художественным руководителем. На главную женскую я, разумеется, как каждый уважающий себя наш брат, взял Яночку… Это единственное моё пересечение с театральным искусством…

– Ну, это не надо – как говорит Коробк**о**вец, ты актёр каких мало!

Я пытался есть; остывший рис с тушёнкой был уже не столь хорош; а так это довольно неплохое, а главное, простое и дешёвое кушанье: нужно купить пакетик риса (полкило или 0,9) и банку обычной тушёнки (свиной или комбинированной), помыть прямо в бокальчике бокальчика три риса, высыпая из него в кастрюлю, в которой налито в три раза больше воды, чем взяли риса, поставить варить, пока не выпарится вся вода, а самим открыть банку и при готовности добавить её содержимое к горячему рису, хорошенько размешав, рекомендуется посыпать перцем – чёрным или красным, или лучше и тем и другим, можно добавить кетчуп или даже лучше (в сочетании с жестокой смесью перцев) томатную пасту.

– Так вот, когда я, наконец, уснул, я это, естественно, не осознал. Мне представилось, что внутри бабки находится маленькая девочка, и я должен её так сказать…

– Опять! Как ты разнообразен, поражаюсь!

– Мы разнообразны, Олёша, *мы*. Потом началась такая гадыть, просто не знаю, как это вынести и с ума не сойти!.. Я взял какие-то ножницы, подошёл к бабке, разрезал на ней одежду, вспорол ей брюхо и стал вытаскивать разные осклизлые, вонючие, почти жидкие (разложившиеся, наверно) органы, всё время пытаясь рукой – мерзкое ощущение, ну, как рыбу потрошишь – нащупать внутри девочку… Я очень нервничал и боялся… Но было и великое презрение ко всей этой никчёмной мертвенной дребедени, а девочка воспринималась как жизнь… как какой-то смысл, что ли…

– Ну и что? – беспристрастным врачебным тоном я пытался скрыть своё нетерпение.

– Ну, я достал ее. Она была очень маленькая – не в смысле там как ребёнок – большая голова, кривые обрюзгшие ноги и всё такое – а нормальная девочка лет семи, только очень маленькая, как кукла… И неживая, по-моему…

– Ну?! – Я уже ничего не скрывал.

– Ну, я взял её, протёр чуть-чуть и стал думать, как её…

– Что её??!!

– Ну…

Я задумался – вернее, разум мой наполнился не понять чем, как бы затуманился.

– Мне тоже недавно во сне принесли мою мать с отрубленными ступнями… Какие-то люди, и я их знаю, и знаю что это они и что я должен что-то сделать… Культи в белоснежно-ярких бинтах, залитые тёмно-багровым… А она смотрит

и плачет…

И есть уже перестал. Какая тут еда…

Этой ночью было совсем невыносимо; я думал, ужас совсем удушит меня, нас.

Последние метры ОФ буквально дотащил меня. Уже открывали воротину, а мне всё равно казалось, что дом и ворота *там*. Омерзительнейшее ощущение ментального дискомфорта – разные куски реальности из-за нарушения временной субординации действуют одновременно, накладываясь друг на друга. Однако была и мощнейшая радость – как у тонущего в океане, наконец-то вцепившегося в какую-то твёрдь – всё-таки мы видели свой дом, свою дверь, открыли её, вошли, заперли, включили свет – все эти действия необходимы человеку как воздух.

Свет казался непривычно ярким. Что-то чёрное – гроб с бабушкой, тоже одетой в чёрное. А мы уж и совсем забыли! Состояние было близким к припадку истерии или бешенства. То, на что мы только что отчаянно вскарабкались, оказалось глыбой льда, которая стремительно растаяла. Мы оба остолбенели, будто погружаясь в пучину бескрайних ледяных вод.

– Надо зайти туда и закрыть двери, а свет пусть горит, – наконец сказал О'Фертов.

Я сбросил куртку и лёг, накрывшись одеялом, ОФ закрыл двери и тоже лёг.

Я пытался если не заснуть, то сконцентрироваться, но тут пришло иное – при закрытых глазах в темноте представлялись какие-то узоры, предметы, амёбы и рожи – будто разноцветные светящиеся лазерные проекции – их было множество («как у дурака фантиков»…), они роились и мельтешели, будто специально скопившись сонмом у твоей постели и не исчезали, когда глаза открывались. Стоило только едва-едва самым краешком мысли подумать о чём-нибудь, как оно – в виде фантомчика – тут же появлялось в центре этой камарильи. Тьфу, сгинь! Я различил удары своего сердца и мне подумалось, что во мне находится некое подобие барабана-бочки, и кто-то бьёт в него, непонять кто, а если он перестанет и что я должен для этого делать… Параллельно с этим я обратил внимание на то, что горло постоянно делает некое движение сглатывания, а также прислушался к звуку своего дыхания и мне тоже что-то представилось – короче, всё это привело к тому, что у меня совсем пересохло в горле, я перестал дышать, сердце, казалось, тоже остановилось… Я изо всех сил дёрнулся, заорав и треснувшись головой в стенку с железными полками, давшими хороший резонанс.

– Ты что? – сказал ОФ откуда-то издалека.

– Не могу дышать, – выдавил я.

– Думай, что грудь должна подыматься, – равнодушно сказал он.

– Я был полностью поглощён этим занятием.

– Хватит сипеть, – сказал он тем же тоном, – дыши живо-

том, надо заснуть.

Я вроде бы и стал засыпать, как слышу: кто-то говорит женским вокалом: «Зд-равс-твуй-те» – смачно, слащавенько, чуть ли не на распев.

«Зд-равс-твуй-те» – произнёс кто-то за дверью. Я проснулся и осознал, что на самом деле это О. Фертов сказал: «Это я тут».

Я вскочил и распахнул дверь. Он дёрнулся – как будто его застигли за непотребным – и действительно: он стоял над гробом с огромным кухонным ножом.

– На самом деле *это* не то, что ты думаешь, – сказал он со злобной улыбкой помешанного.

– Что? – автоматически сказал я, отступая.

– Ты думаешь, это бабка? – Он ткнул ножом в гроб – в ноги, но кажется, ничего не задев. – Хрен в род! Это *кокон!*

– Саша, – было начал я.

– Все вы … – внезапно он сделал несколько резких взмахов ножом, от которых я едва сумел увернуться.

– Страшно? – сказал он радостно, – посмотри мне в глаза: страшно?!

Взгляд его был совсем нездешний. «Вот они, блять!» – вдруг вскрикнул он и бросился ко мне, чуть-чуть не достав – я даже не попытался пошевелиться, а потом сразу в другую сторону, вонзив при этом нож в деревянную стену. Принялся его вытягивать и слегка порезался.

– Саша, успокойся, – снова начал я непонятную ему беседу – я был абсолютно спокоен, хотя спокойствие это нехорошее – оно сродни гипнотическому спокойствию кролика перед удавом.

– …яша! – взорвался он, напрыгивая на меня, – ты думаешь, «Морфий» кто написал?

– Михаил Афанасьевич – кто же ещё, – ответил я, улыбаясь.

Он весь даже затрясся, заглядывая мне в глаза снизу, – взгляд его был нечеловечески отвратителен.

– Я! – заорал он, хватая меня за рубаху, – *я* написал! —

Я оттолкнул его, а он, отскочив, схватил с холодильника заварочный чайник и разбил об пол, тут же схватил стакан и запустил в бабку – не попал. Выдрал ножик.

– Я подвержен недугу, но вас-то я исцелю, – заявил он, нацелив взгляд и лезвие ножа сквозь меня *на них*.

– Я быстро рассчитал момент – он как раз стоял в аккурат у двери в коридор – бросок к нему с ударом правой в челюсть. Удар был с толчком корпусом, и мы, распахнув дверь, вывались в коридор. Ещё удар в лицо, удар по руке. Я уже наваливался на него чуть ли не сверху, нанеся несколько жесточайших ударов в голову. Схватил алюминиевый чайник и стал бить им, пока не брызнула кровь – тогда я отпустил хватку бешенства, и он, жалкий и окровавленный, осел, а потом и повалился на пол. Я вытолкал его пинками за дверь и закрыл её на крючок.

Кое-как переведя дух, весь трясясь, я понял, что не ведал, что творил и сотворил не очень приличное – чайник всмятку, кровь, его кроссовки стоят здесь, а сам он на холоде, одетый в алкоголички и звёздную маечку. Сконцентрировавшись, я припомнил кое-что в виде отдельных кадров – как будто мне показали диафильм или слайды с моими проделками; из анализа отснятого материала следовало, что чайником ему в основном досталось по хребтине, а кровь, вероятно, вытекла из разбитых первыми ударами губы или носа. Дай-то бог, чтоб так, а не хуже, подумал я и открыл дверь.

«Саша, Саша!» – звал я, но его нигде не было. Я облазил весь двор, выбежал на дорогу прямоезжую, устремился по ней, но тут пришла боязнь, что я не смогу вернуться, и паче того, я ощутил, что замёрз – выскочил-то раздетый. Я вернулся, оделся и продолжил поиски – снова осмотрел двор, забор внутри него и снаружи, дошёл, выкрикивая: «САША!», по улице до магазина, потом до вокзала, покружил там и вернулся чуть ли не бегом.

Делать нечего – я попил воды из чайника, попытался распрямить его молотком, спрятал с глаз долой. Взял тряпку и стал убирать кровь, а потом осколки и заварку, разбросанные по всей комнате с бабушкой.

Выключил свет, лёг. Встал, покурил в коридоре, оставив там свет, а дверь запер. Только я начал засыпать – стук в окно. «Лёнь, это я, открой!» – явился. Я встал, припав к окну: как есть – О. Фертов в носках (благо, он всегда в шерстяных

ходит), в отвисших дырявых алкоголичках и своей чудо-маечке, на которой даже незаметна кровь.

– Я осознал, я больше не буду, – сказал он человечьим голосом.

Это было убедительно, я пошёл открывать, но всё равно в глубине души готовясь к худшему – к коварной мести.

– Ты не представляешь, где я побывал! – заявил он с порога, захлёбываясь непонятным мне возбуждением или даже радостью.

– Никак Диснейленд в Тамбове открылся? – состроумничал я.

– Хуже! – сказал он в припадке почти конопельного смеха (так, сейчас начнётся, подумал я, готовясь к худшему), – я попал во Французскую революцию!

– Что значит «попал»? – задал я дежурный вопрос, хотя немного уже представлял, что такое *попасть*.

– Когда я от тебя ушёл, я мало что осознавал – вроде иду по улице и иду – а потом пригляделся: дома какие-то не такие, дальше – костры, гильотины, толпы людей, конные всадники – один и погнался за мной, я бежал по лабиринтам узких улиц, мощёных булыжником, по деревянным тротуарам, всяческим трущобам, по каменному мосту, с краю которого я прыгнул – не в воду, а просто там какая-то насыпь…

Он перевел дыхание, рассматривая меня, как будто ожидая некоего поощрения.

– И что же? – тоном следователя сказал я.

– Всё, – улыбнулся он, – я очнулся под мостом у нас под Студенцом, полчаса вылазил оттуда по помойке, репьям и колючкам.

– И ты этим, как я вижу, доволен?

– Да.

– Хорошо, – сказал я без иронии и даже не тоном психиатра, на всё говорящего «олл коррект», а действительно почувствовав какое-то полное умиротворение. – Война, революция, Медный всадник, князь Мышкин, Раскольников, Митя Карамазов – ну да, мой Саша, подсознание человека работает с героическими вещами. Хорошо, когда не страшно. Герой не должен бояться…

Он зевнул.

Был уже пятый час и мы легли спать.

«Как бы он мне глотку не перерезал», – всё-таки мелькнула проклятая мыслишка, и я приподнялся на локтях посмотреть на него.

– Не бойся, – сказал он, будто прочитав мои мысли, – нормальный О. Фертов.

Верю.

***

Конечно, поутру мы шли не в школу на практику, как подобало, а в ближайшую «рыгаловку» – на автовокзале. Состояние было отвратное. Даже и пить, даже и пива не хоте-

лось – да и опасно – мало ли что… Всё вокруг было если уж не совсем страшным, как вчера, то неустойчивым, подозрительным…

– Вот у Шопенгауэра, – пытался разглагольствовать я, судорожно, но долго подыскивая слова и забегая собеседнику наперёд, – наглядная (в буквальном смысле наглядная!) картинка мира как представления: если все сдохнут, останется только одна какая-то одноглазая калека-букажка, то мир будет существовать, не пожухнет, поскольку ею воспринимается, а уж если выколоть, то всё. По мне, реальность – она как абстрактные узоры на обоях – чтобы увидеть в них смысл (например, зловещий) нужен человек – дядюшка, ау! ищу человека! – да в определённом состоянии – например, с похмелья.

О. Фертов равнодушно хмыкнул.

– У меня так доходило до того, – продолжал неизвестно для кого говоривший оратор, – что я, отливая с будунища в тесном санузле, узрел через клеёнку на стене – посредством не понять откуда возникшего эффекта так называемой 3D-медитации – трёхмерное пространство – ясное, прозрачное и просторное…

– А как лик-то возник! – внезапно оживился и он.

Один раз – как водится, во время похмельной бессонницы – мы смотрели дедов ящичек (у него ещё звука не было), и вдруг на не очень динамичной картинке какого-то фильма я увидел лик – типичный древнерусский Спас – он, есте-

ственно, не был явлен по ТВ как таковой, а как бы смутно *проступал,* как будто выключили телевизор – старый советский рыдван, – и на погасшем экране горят рудиментарные цветные пятна. Я хотел сказать О. Фертову, но не стал его пугать – и так было страшновато. «Видишь?» – сказал он. – «С прямым тонким носом, почти как у тебя», – сказал я, пытаясь даже пошутить, чтобы не помешаться в этот миг рассудком – взгляд был невыносим. – «Да» – сказал он, и вскоре лик растворился.

«Да…» – повторил я теперешний, вздыхая, и уж в уме клялся себе и товарищу, что никогда больше не притронусь к этой мерзкой… Молоко это варёное с детства ненавижу, а тут ещё пахучее. А свекольный напиток?.. – тьфу! И чайник! «Эх, не с того…»

Однако главное, как оказалось, не в воздержании-невоздержании, а в том, что тогда в нас проник сам вирус измены, вселился (или просто проснулся, активизировался внутри) этот метафизический страх, и теперь уже нельзя беззаботно наслаждаться ничем, даже вином, нельзя быть уверенным ни в чём, даже в таких обиходно-бытовых вещах, как трёхмерное пространство и линейно текущее время и, соответственно, даже в собственном существовании в них. Всё какое-то непрочное, неоднозначное, странное и страшное – как для Кастанеды-воина, которого дед Хуан заманил и объегорил, увидевшего и понявшего *другое*, откуда уже возврата нет… Впрочем, тогда мы об том ещё не читали – тут что-то

не до чтения…

Полчаса переходили дорогу, взявшись за руки, «как п… ры», пропуская машины, которые ещё метров за сто.

Некий горбатый «москвич» как назло-назло пересекал дорогу крайне медленно.

«Ну, ты едешь или – за иррумацией заснул?!» – не выдержав, выкрикнул я, даже как-то вместе выкрикнули, а ОФ закруглил риторическую фигуру куда более по-русски. Мы уже видели, что обращались к лысому, как наш д**е**да, дедку, восседающему в своём авто с осанкой маршала на параде. Окно было приоткрыто, и хлёсткое сравнение его явно заинтересовало. Водитель величественно обернулся, напялив откуда-то взятую ушанку. «Э**т**о – он, я узна**ю** его…» – наш Дядюшка дед!

Дед запоздало затормозил (мы всё дохли, и сразу что-то опять щёлкнуло в черепе и появилась мысль: как прекратить? а если не удастся затормозить?!), сдал назад:

– Э, ребята! поедем со мной, помочь надо.

Мы переглядывались, притормаживая.

– Да не ход**и**те вы уж один день в свою школу – и так не той дорожкой х**о**дите – что я не знаю, что ль?

Кое-как залезли, сев на железный грубо сваренный крест, занимающий весь салон седана и даже торчащий сзади из багажника, завязанного на проволоку; едем, молчим, жмёмся.

– Что, ребята, молчите-то как убитые? – казарменным то-

ном осведомился дед.

– Да хреново как-то, дядь Володь, – еле выдавил за двоих О. Фертов.

– Ничего, щас опохмелимся… Щас схороним, закопаете… закопаем… и нормально… – бурчал дед, протирая запотевшие изнутри стёкла. Мы и дышать боялись.

– А ты, Стол**о**вский, – чрезвычайно жёстко вдруг забасил дед, – с ума сойдёшь: так пить нельзя! Как ни приду, он враздуду с дружками, уж еле сидит!.. Длинный у вас там такой есть – уж тоже примелькался – тоже, видно, алкаш… Не с того вы, ребята, жизнь начали – не тем и продолжите… Не дай-то бог!..

– На себя посмотри – как будто ты с того! – тихо высказал О'Фертов мне, а потом громко деду его же текст: – Да, дядь Володь, жизнь-то её не обманешь! Не тем продолжим, и не тем и закончим! Знать судьба наш такой!.. – Я даже удыхать не смог – в таком состоянии звучало как настоящий «реквием по мечте». Приехали!

Единственное, что мы осуществили, это вытащили крест из багажника, а потом погрузили туда два табурета. Ещё О. Фертов, который всегда (то есть иногда и не совсем к месту) утверждает, что у него «тонкий художественный вкус» (что тоже весьма спорно), нанялся обкладывать могилу напоминающими саманы пластами, вырезанными из верхнего слоя земли и скреплённые вросшей в неё травой. Я просто сидел на лавочке у соседней могилы и наблюдал.

Почему у нас на каждом кладбище, думал я, понаделаны эти железные оградки – тяжелые, громоздкие, грязные и ржавые, то есть практически и эстетически несуразные – будто каждый хочет отгородиться от других, застолбить навечно свой персональный клочок земли – а как же русская соборность и всё прочее? Скорее всего, эта традиция повелась с советских времён, но каковы её психологические причины и значение? – как бессознательное противодействие всеобщему коллективизму-коммунальщине? Хе-хе, как говорит в таких случаях ОФ.

Его, кстати, несколько раз пытались поучать мужики: мол, не так надо класть, и он психанул и всё бросил.

– Что, Столовский, не можешь? – подтрунивал дед.

– Сами не можете, дубы-колдуны! – отмахнулся непризнанный маэстро, подходя ко мне.

– Да, Саша, традиции и новаторство в их единстве и противоречии… – философски заключил я. Дед, кажется, даже расслышал и заключил не менее весомо: «Умный, б…ь, не то что энтот». В своей ушанке, не совсем по сентябрю, он опять казался мультперсонажем – мужичком пластилинным прилипчивым: «А может и ворона…», в руках с арбузом и бутылью…

Нас не приглашали и мы держались от мужиков в стороне. Мы смотрели на мусор, наваленный тут и там – это навевало скачуще-элегическое настроение, и хотелось сквозь тряску и рук и зубов деградантно мурлыкать: «Двор-ник, милый

дворник, подмети меня с мостовой…» Но тут же в ушах уже стояли и другие песни – с вокалом тем, как будто кошке придавили хвост.

– Подобно тому, яко жизни их были помойками, весьма многие человеци здесь обретаются аще на помойке, – изрёк, именующий себя Великим О. Фертов, кое-как стилизуя.

– И зело многие, как и при жизни, – из-за ближняго, близлежащаго свояго, – дополнил я, кривляясь.

Вспоминалось и своё – кристально, казалось, чистое, без «рокерской лабуды»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.